

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 41. С. 102–111
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 291.5

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.102>

Дискурсы посюстороннего спасения в русском коммунизме

А. Е. Смирнов*

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Радикальные идеологические доктрины русского коммунизма конца XIX – начала XX в. породили идеал революционера и соответствующий способ существования, приближающийся в пределе к религиозному. Показывается совокупность практик, конституировавших феномен посюстороннего революционного спасения. С использованием методологии дискурсивного анализа демонстрируется сложность и неоднозначность коммунистической сотеиологии. Отмечается, что спасение конституировалось различными практиками и в каждом конкретном случае могло иметь различное экзистенциальное наполнение, поэтому правомерно говорить не о наличии феномена посюстороннего спасения в русском коммунизме, но именно о дискурсах такового.

Ключевые слова: дискурс, спасение, русский коммунизм, практики, субъект.

Для цитирования: Смирнов А. Е. Дискурсы посюстороннего спасения в русском коммунизме // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 102–111. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.102>

Original article

Discourse of Secular Salvation in Russian Communism

A. E. Smirnov*

Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The radical ideological doctrines of Russian communism of the late 19th – early 20th century gave rise to the ideal of a revolutionary and the corresponding way of existence, approaching the limit to the religious. The article shows a set of practices that constituted the phenomenon of secular revolutionary salvation. Using a methodology of discursive analysis, the author shows the complexity and ambiguity of communist soteriology. Salvation was constituted by different practices and could have different existential content on a case-by-case basis. Therefore, it is legitimate to talk not about the presence of the phenomenon of secular salvation in Russian communism, but about the discourses of such.

Keywords: discourse, salvation, Russian communism, practitioners, subject.

For citation: Smirnov A. E. Discourse of Secular Salvation in Russian Communism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 41, pp. 102–111. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.102> (in Russian)

© Смирнов А. Е., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Исследователи не единожды обращали внимание на тот факт, что экзистенциальное наполнение политических практик русских революционеров выводит за пределы чистой имманентности, а также на религиозные корни русской революции [6; 13; 16]. При этом отмечалось, что религиозные корни русского коммунизма до сих пор остаются недостаточно изученными. Сегодня все чаще раздаются голоса в пользу того, что абсолютно расколдованных, радикально светских обществ не существует, сколько бы ожесточенно последние (в некоторых случаях) ни боролись с религией [5; 8; 14]. В данной работе нам бы хотелось обратить внимание на то, что радикальные идеологические доктрины русского коммунизма конца XIX – начала XX в. вызвали к жизни некоторую совокупность социальных практик, воплощающих как идеал революционера, так и специфический способ существования. Ценностное значение такого способа существования в некоторых случаях приближалось к абсолютному и фактически оказывалось близким к религиозному [3].

Цель работы заключается в попытке показать совокупность практик, конституировавших феномен так называемого посюстороннего спасения в русском коммунизме. В качестве теории и методологии мы используем дискурсивно-генеалогический анализ М. Фуко. В соответствии с исследовательской практикой французского философа будем понимать под дискурсом социально обусловленную систему речи и действия [12, с. 47–96]. Методологической основой исследования послужило открытие Фуко, согласно которому речевые высказывания можно анализировать с точки зрения их социального производства. В обществе, иными словами, существуют эксплицитные и имплицитные правила и практики, обуславливающие речь. Эти практики и правила, неотделимые от процесса субстантивации речи (или действия), и являются дискурсом. Анализ подобного рода практик позволяет выявить содержания, не присутствующие в плане языкового выражения. Теоретической основой послужили работы М. Фуко, посвященные разработке понятия «культура себя», главным образом курс лекций «Герменевтика субъекта», прочитанный им в Коллеж де Франс в 1981–1982 гг. [10].

Генеалогия понятия «спасение» и условия его возможности

Начнем с генеалогии христианского понятия «спасение». Понятие спасения, как показывает М. Фуко, возникает вне религиозного контекста. Это контекст скорее политический и моральный, нежели религиозный. А в наиболее общем виде – философский. Философский контекст начинает формироваться в античной постсократической философии, начиная с киников и продолжаясь в учениях стоиков и эпикурейцев. Формирование этого контекста связано с тем, что философия начинает рассматривать свою цель в качестве жизненного наставничества, искусства жизни, *techne tou biou*.

Философия должна ответить на вопросы: какой способ существования является наилучшим и почему? Как сделать так, чтобы существовать по истине, в соответствии с истиной, должным образом? Каковы правила и/или условия возможности подобного правильного, истинного, должного суще-

ствования? В эллинистическую и римскую эпохи внутри философии идет процесс, определяемый М. Фуко как поглощение философии (как мышления истины) духовностью (как практиками преобразования себя). В этой связи появляется прикладной, катартический аспект. Искусство жизни как итог или цель философского существования ставит фундаментальный вопрос: как субъект должен изменить свой способ существования для того, чтобы получить доступ к истине? Христианская духовность, обретая окончательную, наиболее строгую форму в монашестве, логически завершает сотериологическую тенденцию античной философии. Воплощением истинной философии становится жизнь аскета.

Итак, понятие спасения появляется в эллинистическом мире и предшествует христианскому пониманию спасения. М. Фуко выделяет ряд представлений, свойственных христианскому понятию спасения, а также современному смыслу этого понятия.

1. Спасение предполагает некоторую бинарную ситуацию. Спасение – значит, речь идет о жизни и смерти, аде и рае, том свете и этом. Спасение – процесс, протекающий где-то между этими оппозициями. Спасение обеспечивает переход от смерти к жизни, от зла к добру, от порока к чистоте.

2. «Спасение... прочно увязано с драматичностью события» [10, с. 205]. Это может быть преступление, первородный грех, словом, некое падение. Отсюда и возникает необходимость в спасении.

3. Тот, кто берется за дело собственного спасения, нуждается в другом (Другом). Понятно, что спасающийся трудится сам. Но всегда нужен кто-то, кто будет споспешествовать в этом деле. Функции другого – того, кто каким-то образом способствует спасению, – могут быть самыми разнообразными. Например, это может быть церковь, или некто, располагающий опытом в деятельности спасения, или просто жизненный советчик. В соответствии с этими тремя элементами (бинарная структура, драматичность некоего события, наличие Другого) понятие спасения нагружается сугубо религиозными коннотациями, что, с точки зрения Фуко, существенным образом сужает его смысл: «Но что я хотел бы подчеркнуть и что мне кажется существенным... так это то, что... само понятие спасения, откуда бы оно ни взялось и как бы ни усилила его и ни повлияла на него религиозная тематика эллинистической и римской эпох, без каких-либо неудобств, вполне органично и эффективно функционирует как философское понятие в своем собственном философском поле. Спасение стало и было признано не чем иным, как самой целью философствования и философской жизни» [10, с. 205–206].

М. Фуко напоминает нам о том, что греческий глагол *sôzein* (спасать) и существительное *sôtêria* (спасение) имеют в греческом языке следующие значения:

- 1) уберечь (от катастрофы, ошибки), хранить, сберегать;
- 2) создавать вокруг вещи защитную оболочку, сохраняющую вещь в первоначальном виде;
- 3) сохранять, сберегать честь, целомудрие; иногда память о чем-то;
- 4) следующее значение – из области права. Например, «спасти кого-то» для адвоката означает «отвести от него обвинение»;

5) быть спасенным на какой-то момент: «качество вина сохранилось»;

6) наконец, *sōzein* означает «делать доброе дело, содержать в хорошем состоянии, обеспечивать благосостояние кого-либо» [10, с. 206–207].

Исходя из вышеизложенного, генеалогический смысл изложенного нельзя сводить к драматическому событию, в результате которого зло будет побеждено добром, жизнь одержит верх над смертью, смертный обретет вечную жизнь и т. д. Спасть не означает уберечься от чего-то, грозящего тебе. Спасение, следовательно, не является однократным, дискретным актом.

Процедурный смысл спасения во многом сводится к тому, чтобы научиться поддерживать себя в некотором стабильном состоянии. Например, это может быть состояние спокойствия, невозмутимости, которое субъект способен удерживать, невзирая на удары судьбы. Спасение, следовательно, есть прежде всего определенного рода жизнь, «понятие спасения связано не с чем иным, как с самой жизнью... “Спасть” служит обозначением деятельности, которая осуществляется в течение всей жизни и единственным исполнителем которой является сам субъект» [10, с. 299–300]. В качестве деятельности спасение предполагает условия возможности, которые М. Фуко выделяет в качестве составляющих «культуры себя» [11].

В наиболее общем виде это четыре условия, структурно вбирающие в себя ситуацию спасающегося субъекта вне зависимости от смысла и содержания спасения [10, с. 203]. К первому условию (1) относится некоторая система идей, значений и ценностей, предполагающая их иерархию. 2. Эти идеи, значения и ценности трактуются как всеобщие; но в то же время они недоступны большинству. 3. Идеи, значения и ценности, о которых идет речь, действительны в силу их фактического признания. Такого рода культура диктует в определенных ситуациях жестко регламентированное поведение, иногда требующее пожертвовать жизнью ради утверждения вышеупомянутых идей и ценностей. 4. Доступ к идеям, значениям и ценностям культуры обусловлен определенным опытом, который детерминирован практиками, процедурами и техниками; с последними может быть связана совокупность понятий, представлений, теорий и т. д., т. е. некоторая область знаний.

Таким образом, ситуация выглядит так. Есть некоторая иерархизированная система ценностей. Формально она может быть доступна всем. Однако, будучи репрезентативной, эта культура приводит в действие механизм селекции. Отбираются лишь те ее представители, кто находит силы фактом своего существования поддерживать ценностное поле, а значит, идти на жертвы, лишения, может быть даже, ставить на карту жизнь. Далее в соответствии с вышеприведенными условиями мы рассмотрим некоторые практики посюстороннего спасения в русском коммунизме.

Практики спасения в русском коммунизме

1. *Система идей.* Революционер живет отрицанием старого мира. Одни представители революционной элиты считали социализм видом христианства, другие рассматривали христианство как революционный социализм. У

христианства и коммунизма много общего. Оба наднациональны, универсалистичны, всеобъемлющи. И христианство, и коммунизм устремлены в будущее. Каждый из них сулит наказание и отмщение. Оба выступают за абсолютный статус объединяющей организации. Оба ратуют за «практический элитизм», избранничество. Иерархию коммунистов сравнивают с церковной иерархией. И отчасти принцип спасения «грешников» против их воли. Также налицо обязательная вера в светлое будущее. Разумеется, немало и различий. У коммунистов нет *личного* Христа. Их будущее абстрактно. Жизнь, смерть, страсти и воскресение Христа – в доктринальном смысле у коммунистов этого нет. Кредо коммунизма совершенно иное; в частности, оно сводится к изобилию материальных благ: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Это предполагает поразительную трансформацию человеческого сознания, нужно преодолеть «естественное отчуждение». Например, перестать бояться смерти, перестать желать невозможного или нерационального. Предельно рационализировать жизнь и максимально сбалансировать культуру психической деятельности, что в каком-то смысле может значить достичь святости. И тогда коммунизм становится возможен (но пока не действителен). М. Горький и А. Луначарский практически в один голос трактуют коммунизм в качестве религии земного спасения. М. Бонч-Бруевич, известный специалист того времени по русским сектам, настаивает, что хлысты и баптисты – «передаточные пункты» большевистской пропаганды. Христиане, в свою очередь, видели в революционерах атеистов или антихристов [15, с. 583–616]. Обретение революционной веры – это обретение *пути*. Вера как бы «выпрямляет» жизнь. Жизнь становится стройной, упорядоченной. Путь к спасению ясен, но спасение еще не осуществилось. Путь открыт, но по нему еще нужно пройти. Время пути – время перехода, время борьбы и страданий [13, с. 162].

Ю. Слезкин рассказывает о революционном обращении Феликса Кона, старейшего большевика. Кон из семьи еврейских польских националистов. В семнадцать лет узнав о героизме русских революционеров, забывает о мученичестве Польши: «Это была перемена веры, культура... Мертвая, застывшая вера сменилась живой, действенной... Я... готов был идти на бой со всем миром лжи и лицемерия, обиды и неправды, со всем миром горя и неволи... Для меня было ясно как день, что надо идти к своим товарищам, таким же 17–18-летним горячим юношам, как я, поделиться с ними своей верой, своей правдой, сплотиться, “подучиться”... а затем перейти “в стан погибающих”, открыть перед ними причины гнетущего их рабства, открыть им глаза на ту силу, которая в них скрыта, разбудить эту силу и... тогда великое дело будет сделано: рухнет в пропасть царство неправды и рабства, и над землей воссияет яркое солнце свободы» [6, с. 44].

2. *Идеи полагаются в качестве всеобщих, но недоступных большинству.* Коммунистическое спасение отличалось от христианского. Оно не было универсальным. После десятилетия 1863–1874 гг. «хождения в народ» и волны терроризма конца 70-х гг. в среде русской революционной интеллигенции тенденция идеализировать крестьянство сходит на нет; тактика террора также оценивается негативно. В 1880-е гг. появляется группа русских марксистов,

убежденных в неизбежности капиталистической индустриализации и, соответственно, в бессмысленности надежд на крестьянскую общину в качестве главного субъекта грядущих политических изменений. Теперь русские марксисты выбирают пролетариат. «По их мнению, капитализм представлял собой единственно возможный путь к социализму, а промышленный пролетариат, порожденный капиталистическим развитием, был единственным классом, способным осуществить подлинно социалистическую революцию» [9, с. 58]. Революционеры точно знали, кто будет строить грядущее Царство свободы. Классовая тема играла большую роль в революции как в практическом, так и в теоретическом отношении. В частности, серьезно обсуждался вопрос о том, могут ли большевики репрезентировать классовые чаяния пролетариата (о непростой судьбе альянса большевиков и пролетариата см. [9, с. 30–33]). На рубеже XIX–XX вв. выбор делается в пользу пролетариата. По образному выражению Ю. Слезкина, принц пришел разбудить только спящую красавицу, а не ее уродливых сестер.

3. *Идеи, значения и ценности, о которых идет речь, действительны в силу их фактического признания.* Социологи именуют такой тип культуры репрезентативным [7]. Идеи, значения и ценности репрезентативной культуры действительны, поскольку они непосредственно «работают», действуют в силу их фактического признания. Как уже отмечалось выше, такая культура в некоторых случаях предполагает строго регламентированное поведение, доходящее, в случае русского коммунизма, до крайностей.

Так, например, в письме В. Г. Белинского к В. П. Боткину читаем: «Социальность или смерть – вот девиз мой» [2, с. 19]. Авторы прокламации «К молодому поколению» пишут: «Если для осуществления наших стремлений – для раздела земли между народом – пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно» [Там же, с. 31]. Из устава «Земли и воли»: «Безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни» [Там же, с. 169]. Из программы исполнительного комитета «Народной воли»: «Все личные симпатии и антипатии, все силы и самую жизнь каждый член Исполнительного комитета обязан приносить в жертву его целей» [Там же, с. 217]. Из письма С. Я. Виттенберга, написанного накануне казни: «Мне, конечно, не хочется умереть, и сказать, что я умираю охотно, было бы с моей стороны ложью, но это последнее обстоятельство не бросает тень на мою веру и стойкость моих убеждений» [Там же, с. 234].

4. *Доступ к идеям, значениям и ценностям культуры обусловлен определенным опытом, который детерминирован практиками, процедурами и техниками; с последними может быть связана совокупность понятий, представлений, теорий и т. д., т. е. некоторая область знаний.* Русский коммунизм, русская революция неотделимы от знания. Коммунистическое спасение отличалось от христианского определенным интеллектуализмом. Обращение в новую веру ради спасения предполагало определенный образовательный уровень, часто путь в революцию начинался со вступления в кружок как ини-

циации. «Первые контакты марксистов с рабочими носили по сути просветительский характер и сводились к кружкам, в которых интеллигенция передавала рабочим знания общего характера вкупе с зачатками марксизма» [9, с. 61]. Факт членства в кружке сочетал в себе (пусть даже минимальную) ученость с апокалиптичностью. Быть революционером – значит соучаствовать в личном и коллективном посюстороннем спасении. Студенты-пропагандисты предлагали рабочим сделаться студентами, не переставая быть рабочими. Новообращенные имели важный для борьбы статус: они были пролетариями. Рождается новая идентичность – соединение пролетарского мессианизма с книжной ученостью. Социальный статус повышается, не меняя статуса классового [Там же, с. 52–57].

Далее в качестве социальных практик, конституирующих дискурс посюстороннего спасения, назовем институт тюрьмы, а также практики революционной дружбы и любви. *Тюрьма* – школа революции. В качестве специфической социальной практики тюрьма – средство слияния, гомогенизации партии. «Студенты закаляли свой дух, рабочие обретали сознательность, и все учились жить вместе и на равных» [6, с. 59]. В воспоминаниях большевиков тюрьма чаще всего именуется «университетом». В тюрьмах читали и учились, там возникала самая крепкая дружба. Дружба и любовь единомышленников не есть приятный побочный эффект революционной борьбы. Современная социальная философия декларативно утверждает, что этика в порядке своего возникновения и функционирования представляет своего рода онтологию [1, с. 271–288]. Подобно тому, как христианские добродетели веры, надежды и любви в акте своей реализации воплощают христианскую жизнь, революционные дружба и любовь органично входят в процесс посюстороннего спасения. «Революция была неотделима от любви. Она требовала жертв ради будущей гармонии и нуждалась в гармонии – в любви, товариществе и чтении – для окончательной победы. Большинство революционеров были молодыми мужчинами, которые отождествляли революцию с женственностью. Многие из них были влюбленными мужчинами, которые отождествляли конкретных женщин с революцией. Стать большевиком значило вступить в круг братьев и сестер; быть большевиком означало предпочитать одних братьев другим и любить некоторых сестер не меньше, чем революцию» [6, с. 78].

Социалистическое государство и посюстороннее спасение

Победа большевиков никак не повлияла на ожидание Царства. Новое государство рабочих и крестьян не отделяло себя от сотериологической функции. Соглашаясь с тем, что абсолютно светских, расколдованных обществ не существует, государство конца Гражданской войны с долей условности можно квалифицировать как иерократию. Власть – все ветви власти – контролировалась сообществом единоверцев. Наступила своего рода «диктатура святых» – пламенных борцов, героев Революции.

Итак, власть захвачена, выстроен административный аппарат, разработан канон основополагающих мифов. Однако проблема спасения по-прежнему актуальна. А. Ф. Лосев в дополнениях к «Диалектике мифа» пишет: «Социализм

исключает внутреннюю жизнь личности. Социализм базируется на научном производстве. Социализм исключает свободу наук, искусств, печати, личного и общественного почина и т. д. Что же он дает вместо всего этого? <...> Одно из двух: или социализм не есть новая культура, резко противоположная феодализму и капитализму, или он должен абсолютизировать и обожествлять производство и вообще экономическую жизнь» [4, с. 359]. Затруднительно вообразить, чтобы человек получал, как выражается Лосев, «утешения» от капиталистического или феодального уклада как такового. Тем не менее все происходит так, как если бы экономическая жизнь каким-то образом могла давать людям то, что раньше давала им религия. И действительно, автор «Диалектики мифа» замечает, что «экономическая жизнь творит таинства, чудеса. Она есть наше утешение и спасение. В ней – благоухание человеческой красоты, неизведанная бездна откровений, последняя опора и надежда страждущего человечества» [Там же, с. 360].

Новый человек спасется экономикой. Лосев цитирует статью М. Горького, где последний восхищается идеей «простого низового рабочего-малляра», предлагающего переименовать Пасху в День индустриализации. «Индустриализация – спасение и преображение человека, жизни, всего мира, всего бытия» [4, с. 361]. Лосев, по сути, описывает ситуацию того гностического модерна – завершающей стадии христианской истории [8, с. 237–276]. Эта стадия обусловлена имманентной логикой развития христианства. По Э. Фегелину, она воплотилась в конкретных событиях европейской истории, включая русскую революцию. Самое серьезное событие гностического модерна – становление и развитие новоевропейской науки и техники. Гностические эпистемологические практики, воплощенные в западноевропейской науке, приводят к латентному упразднению христианства. Отныне человек должен ускорить второе пришествие, отсюда – абсолютная ставка на технику и радикальное преобразование природы, в первую очередь человеческой. Формально эта задача совпадает с гео-, хроно- и космополитикой «общего дела» Н. Федорова, а в конечном счете – с русским коммунизмом в широком смысле слова.

Таким образом, дискурсивный анализ показывает сложность и неоднозначность понятия посюстороннего спасения, или коммунистической сотериологии, и его назначения. Спасение конституировалось различными практиками и в каждом конкретном случае могло иметь различное экзистенциальное наполнение, поэтому правомерно говорить не о наличии феномена посюстороннего спасения в русском коммунизме, но именно о дискурсах такового. Но так или иначе, революционная активность в конце XIX – начале XX в., а также в раннем советском модерне приобрела выраженный характер мистической работы спасения. И исторический результат стал потрясающим.

Список литературы

1. Новый гуманизм – горизонты «пост» : монография / А. С. Азаренко, А. С. Железнов, М. А. Иванченко, Т. Х. Керимов, Д. А. Томильцева. М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 140 с.
2. Антология народничества. СПб. : Нестор-История, 2020. 688 с.

3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб. : Азбука, 2016. 224 с.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М. : ИД ЯСК : Гнозис, 2022. 696 с.
5. Милбанк Дж. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. М. : Теоэстетика, 2022. 736 с.
6. Слезкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 976 с.
7. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 93–120.
8. Фегелин Э. Новая наука политики. Введение. СПб. : Владимир Даль, 2021. 373 с.
9. Фицпатрик Ш. Русская революция. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 320 с.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
11. Фуко М. Говорить правду о самом себе. Лекции, прочитанные в Университете Виктории в Торонто. М. : ИД Дело, 2021. 336 с.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1966. 448 с.
13. Фурман Д. Е. Избранное. М. : Территория будущего, 2011. 202 с.
14. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с.
15. Эткинд А. Хлыст: Секты, хлысты литература и революция. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 644 с.
16. Billington J. H. Fire in the Minds of Men. Origins of the Revolutionary Faiths. New York : London : Routledge, 1998. 677 p.

References

1. Azarenko A.S., Zheleznov A.S., Ivanchenko M.A., Kerimov T.H., Tomiltseva D.A. *Novyi gumanizm – gorizonty “post”* [New humanism: horizons “post”]. Monogr. Moscow, Akad. proekt Publ., Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2020, 140 p. (in Russian)
2. *Antologiya narodnichestva* [Anthology of Populism]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, 688 p. (in Russian)
3. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016, 224 p. (in Russian)
4. Losev A. F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k “Dialektike mifa”* [Dialectics of myth. Addition to “Dialectics of Myth”]. Moscow, YaSK Publ., Gnozis Publ., 2022. 696 p. (in Russian)
5. Milbank Dzh. *Teologiya i sotsial'naya teolriya: po tu storonu sekulyarnogo razuma* [Theology and social theory: on the other side of the secular mind]. Moscow : Teoestetika, 2022, 736 p. (in Russian)
6. Slezkin Yu.L. *Dom pravitelstva. Saga o russkoi revolyutsii* [Government House. Saga of the Russian Revolution]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2019. 976 p. (in Russian)
7. Tenbruk F. *Reprezentativnaya kultura* [Representative culture]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2013, vol. 12, no. 3, pp. 93-120 (in Russian)
8. Fegelin E. *Novaya nauka politiki. Vvedenie* [The new science of politics. Introduction]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2021, 373 p. (in Russian)
9. Fitzpatrick Sh. *Russkaya revolyutsiya* [Russian Revolution]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2018, 320 p. (in Russian)
10. Fuco M. *Germeventika sub"ekta. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981-1982 uchebnom godu* [Subject hermeneutics. Course of lectures given at the College de France in the 1981-1982 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 677 p. (in Russian)
11. Fuco M. *Govorit pravdu o samom sebe. Leksii, pročitannye v Universitete Viktorii v Toronto* [Tell the truth about yourself. Lectures delivered at Victoria University in Toronto]. Moscow, Izdatelskii dom DELO, 2021. 336 p.
12. Fuco M. *Volya k istine: po tu storonu znaniyach, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal Publ., 1996, 448 p.
13. Furman D. E. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011, 202 p.

14. Teilor Ch. *Sekulyarnyi vek* [Secular century]. Moscow, BBI Publ., 2017, 967 p.
15. Etkind A. *Khlyst: Sekty, khlysty literatura i revolyutsiya* [Whip: Sects, whips literature and revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 644 p.
16. Billington J. H. *Fire in the Minds of Men. Origins of the Revolutionary Faiths*. New York, London, Routledge, 1998, 677 p.

Сведения об авторе***Смирнов Алексей Евгеньевич***

*доктор философских наук, профессор,
кафедра общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской
Федерации
Российская Федерация, 664035, г. Иркутск,
ул. Шевцова, 1
e-mail: aesmir@mail.ru
ORCID 0000-0003-2426-6164*

Information about the author***Smirnov Aleksey Evgenyevich***

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of General Humanitarian and
Socio-Economic Disciplines
Irkutsk Law Institute (Branch) of the
University of Prosecutor's Office of the
Russian Federation
1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian
Federation
e-mail: aesmir@mail.ru
ORCID 0000-0003-2426-6164*